

Вау стоит зайца

Бых загляделся на Вау и упустил зайца. Не на настоящую Вау, та в пещере осталась. На ту, что Бых сам вчера слепил из липкой земли. А потом в костёр бросил.

Поначалу слепленная Вау Быху не понравилась. Скользкая, холодная. Не похожа совсем. Разозлился Бых и кинул её в огонь. Огонь – хорошо! Зверей отгоняет, тепло даёт, мясо делает вкусным. Кругом помогает. Вот и с Вау помог.

Утром Бых собрался на охоту. Хотел выгашить головню, чтобы нарисовать на стене, как убивает коосулю. А выгашил вчерашнюю Вау-из-липкой-земли. Только не липкую уже. Твёрдую, звонкую. Слово не из земли, а из камня. Посмотрел – восхитился. Вау! Как живая! Тёплая, гладкая. Сверху два огромных шара груди, снизу тоже два, но сзади. А шар живота посередине ещё больше. И вся – как один большой шар. Красота! Смотрел бы и смотрел...

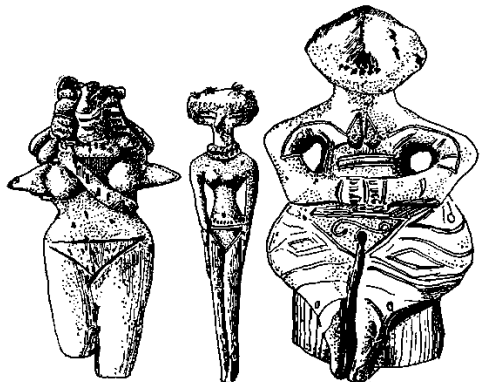
Вот и в лесу засмотрелся. А заяц мимо прошлёпал. Пока Бых спохватился, пока Вау-из-камня на кочку поставил, чтобы не упала, да за палку схватился – его и нет уже. Ээх. Слишком уж хороша Вау-из-камня, утром не смог в пещере оставить – с собой на охоту взял. И совсем забыл коосулю нарисовать. Плохо теперь, не будет удачи. Ни косули, ни даже зайца. Откуда взяться, если заранее не нарисовал? Чего уж теперь.

А сосед наверняка не забыл всё как надо сделать. Он никогда не забывает, потому и добычливый. Подошёл, стоит рядом, сопит довольно. В каждой руке по зайцу. Увидел Вау, восхитился.

– Вау! – говорит.

Узнал, значит.

Смотрит, слюни пускает – у само-го такой нет. Жена у соседа – кожа да кости, ни посмотреть, ни поддержать-ся. И на шкуре с такой жёстко. Он ей даже имени не дал – вот ещё, тратить на такую. А ведь сосед – охотник не чета Быху. Плечи – во! Руки – во! И выше

почти на голову. Никогда без добычи не возвращается. Мимо когда идёт с косулей на плече – на Быха и не глянет, словно того и нет. А сейчас стоит, на Вау-из-камня смотрит, рот забыл закрыть. Зайца уронил, руку тянет:

– Дай!

Ему это слово сразу понравилось, давно украл. Пускай, Быху слов не жалко. А Вау жалко. Даже из камня. За спину спрятал. Зарычал – тихонько, правда. У соседа руки – во! И зубы.

Сосед тоже зарычал. Но не зло – для порядка больше. А потом зайца уроненной ногой к Быху толкнул.

– Р-рхрерр-На!

Тоже ворованное, но куда хуже вошло, Бых почти и не разобрал сквозь рычание, больше по смыслу догадался. А сосед опять руку тянет:

– Дай!

Это у него куда лучше получается. Привычнее. Часто повторяет, наверное.

Бых подумал, подумал. Посмотрел на Вау-из-камня, на соседа. Потом снова на Вау. И отдал. За зайца.

Но не потому, что сосед выше и сильнее.

Просто очень приятно было, что соседу так понравилась Вау-из-камня. Он её обеими руками схватил и к своей пещере побежал, чуть про второго зайца не забыл. Оно и понятно: у него ведь нет своей настоящей Вау. Пусть хоть такая будет.

К тому же Бых ещё утром понял, что настоящую Вау вряд ли обрадует Вау-из-камня. Не то чтобы совсем, но...

Заяц точно обрадует её гораздо больше.

Чтобы не разбегались

– Бых!

Линия пошла криво вниз, задела проведённую ранее. Бых от огорчения стёр обе и даже уголь раздавил. И тут же пожалел об этом – не об угле, его из костра

можно сколько угодно натаскать. О линиях. Нижняя была хороша: толстая и ровная. И большая – больше длины раскинутых рук Быха. А теперь всё заново. Но что делать, если надо?

Вздыхнув, Ыых взял новую головню, прижал её к стене пещеры на ладонь выше пола и повёл, сильно надавливая и оставляя жирный чёрный след. Тут главное, чтобы вверх не ушла, а то ведь подлезут и опять удерут!

Слова – они такие.

Что они живые, Ыых давно понял. Иначе как бы им удавалось постоянно разбегаться? Глаз да глаз за ними! Вот вроде бы придумал, красивое такое, самому нравится и Вау наверняка будет довольна – а чуть отвлекся, и нет его. И не вспомнить уже – убежало. Как глупый рогатик, которого сколько ни привязывай, а всё равно перетирает плетённую из травы верёвку и убегает из безопасной пещеры в лес. Словно там трава вкуснее, словно Ыых не старается и рвёт ему не самую сочную. А в лесу искать бесполезно – там Саблезубы. Им что рогатик, что вкусное слово – на один клык. С рогатиками Ыых давно справился: отгородил часть пещеры жердями. Жерди не верёвка, их так просто не перетрёшь.

Загон для слов оказалось сделать куда сложнее. Линии – не жерди, их так просто вдоль стены не уложишь, так и норовят вкривь и вкось пойти. Ыых злился, сопел, стирал испорченное и начинал всё сначала. Даже есть не

пошёл, хотя и пахло вкусно, жареным. И Вау звала. И на шкуру поглядывала – с намёком этак. Но какая тут еда, какая шкура, если чуть отвлекся – и снова опять разбежится?! Нет уж! Сначала работа, а удовольствия потом. Если Вау будет довольна. А она навряд ли будет, вон как Ыых старается...

...Нарисовав последний колышек, Ыых вытер пот со лба и испустил долгий удовлетворённый вздох. Осмотрел получившееся. Рыкнул довольно. Хороша загородка! Во всю стену пещеры, от входа до самого тёмного дальнего угла, где Вау камнями гремит, когда недовольна. Много слов загнать можно! Жердин больше, чем пальцев на руке. И колышки толстые, крепкие. И пусть сегодня он ни одного слова так и не придумал – умаялся, пока строил для них загон. Зато завтра, как только какое придумается, – Ыых его сразу сюда. И никуда оно больше не денется, в любой миг можно будет посмотреть, вспомнить и порадоваться. Хорошая загородка получилась, крепкая, из такой никакое слово не убежит. Надо Вау показать, чтобы тоже порадовалась и осталась довольна.

– Вау! – позвал он и, чтобы она не сомневалась, ткнул раскрытой ладонью в сторону новенькой загородки: – На!

Время камней

Камень был большой и красивый. Но с дыркой. Сначала Ыых разозлился и хотел его отбросить. Но задумался. Сорвал тонкий прутик, просунул в дырку, повертел камень на ветке. Полюбовался. Красиво!

Вау нравятся такие камни, большие и полосатые. Она их не ест, просто так нравятся. Ест она другие, белые. Ыых пробовал – невкусно, на зубах скрипит. А Вау нравится. Такая уж она, Вау, непонятная и загадочная. Полосатые камни ей тоже нравятся. Может, и ничего, что с дыркой? Вон как красиво на ветке! Почти как заяц.

Зайцев Ыых давно поймал, утром ещё. Хорошие зайцы, жирные. И не один, и даже не два, а больше. Много! Ыых добытчик, Вау будет довольна. Может быть. Потому что с тех пор, как появился Громкий, Вау редко бывает довольна, как бы Ыых ни старался. Вот разве что когда Ыых, совсем уж отчаявшись, притащил ей те камни. Белые и зелёные она съела, а полосатые разложила вокруг шкуры, чтобы красиво. И не рычала почти. Может, и на шкуру пошла бы, если бы Громкий орать не начал.

И сдался ей этот Громкий! Ведь это не он принёс ей косулю, и за мёдом диких пчёл не он лазал, и зайцев вот тоже, и камни... Он вообще ничего не приносит, орёт только. А Вау ему улыбается, а на Ыыха лишь рычит. Не то что со шкуры – из пещеры гонит! Раз-

ве это справедливо?

Ыых решительно отложил зайцев на землю – никуда они не денутся со свёрнутыми шеями! – и пошёл вдоль ручья, всматриваясь в гальку. Нашёл ещё камни с дырками – и не один, и не два, а больше. Много! Нарочно искал с дырками, чтобы на прутик нанизать. Много камней, красивые, и гремят весело, если прутик подёргать. Поймал рыбу – много рыбы! На другой прутик нанизал – для Вау. Рыба Вау нравится, камни тоже. Зайцы опять же жирные. Может, не погонит из пещеры? Может, повезёт и Громкий спать будет?

...Не повезло. Громкий не спал. Но и не орал пока. Потому что Вау его кормила, а как орать, если рот занят? Ыыха Вау сразу увидела, и зайцев, и рыбу. Поэтому, наверное, и сильно рычать не стала – так, чуть-чуть. Ободрённый таким приёмом Ыых не стал показывать камни сразу, спрятал их за спиной и осто-

рожно подкрался к шкуре, на которой раньше они кувыркались с Вау, а теперь Вау кормила Громкого. А потом – рраз! И вытащил! Неожиданно, чтобы порадовать.

Камни громко стукнули друг о дружку. Вау вздрогнула и оскалилась. А Громкий выплюнул сосок, крикнул:

– Дай! – И вцепился в прутик. И отобрал – маленький, но сильный, а Ыых растерялся от такой обиды и пальцы разжал.

Зарычал было – разве справедливо? Всё Громкий отобрал! И Вау, и подарок, и даже слово! Но тут Громкий стукнул камнями снова и засмеялся. И Вау засмеялась. И посмотрела на Ыыха так, как давно не смотрела, с намёком на шкуру. И Ыых вдруг понял, что, если у Громкого будет много камней, он будет ими стучать и смеяться, а орать не будет.

А слов Ыыху не жалко, он ещё придумает. Лишь бы Вау была довольна.